

DOI: 10.22363/2312-9182-2017-21-2-405-423

«ОБЕЩАНИЕ» КАК МОДЕЛЬ РЕЧЕВОГО ПОВЕДЕНИЯ: МЕТОДИКА КОНТРАСТИВНОГО АНАЛИЗА (на материале русского и немецкого языков)¹

Е.Г. Которова

Зеленогурский университет

al. Wojska Polskiego 71A, 65-762, 65783 Zielona Góra, Poland

Национальный исследовательский Томский политехнический университет
634050, Томск, Россия, проспект Ленина, дом 30

Целью статьи является представление методики сопоставительного анализа базовых единиц внутри- и межкультурной коммуникации и демонстрация ее применения на примере модели речевого поведения ОБЕЩАНИЕ. В отличие от ранее предложенных терминов, таких как *речевой акт* (Дж. Остин и Дж. Сёрль), *речевой жанр* (М. Бахтин), основную единицу коммуникации предлагается назвать моделью речевого поведения (МРП). Иллокутивное содержание и общая организация моделей речевого поведения могут считаться универсальными, в то время как их языковая реализация является культурно обусловленной и может существенно различаться в разных языковых сообществах. В составе анализа каждой модели необходимо вычлениить и описать следующие компоненты: 1) коммуникативную цель МРП или ее иллокуцию в терминах Естественного семантического метаязыка, 2) структуру модели, включающую лексическую и грамматическую характеристику основных компонентов высказываний, реализующих данную МРП, 3) коммуникативно-прагматические факторы, влияющие на реализацию модели, 4) коммуникативно-прагматическое поле, отражающее иерархическую организацию МРП, в составе которого выделяются прототипический центр и градуально сформированная периферия, 5) перлокутивный эффект МРП, то есть описание возможных реакций на высказывания, реализующие данную МРП. На основе данной методики в статье представлен сопоставительный анализ МРП ОБЕЩАНИЕ в русском и немецком языках. Исследование базировано на существующих корпусах немецкого и русского языков.

Ключевые слова: *речевое поведение, обещание, межкультурная коммуникация, контрастивная лингвистика, русский, немецкий*

ВВЕДЕНИЕ

Для научных лингвистических исследований в XXI в. характерным является выраженный интерес к вербальному и невербальному речевому поведению представителей различных языков и культур. Фокус анализа смещается в сторону полипарадигмального анализа практической коммуникации и изучения условий использования языковых средств говорящими как в каждом отдельном языке так и в сопоставлении.

¹ Данная статья является составной частью проекта «Контрастивное описание моделей речевого поведения в немецком и русском языках», выполняемого Е. Которовой и В. Гладровым.

Хотя сравнительные исследования закономерностей коммуникативного поведения и составляющих его высказываний проводятся с начала 1970-х гг., в них практически нет согласованности в отношении научного подхода и методологии. Основной проблемой является выделение и определение базовой единицы коммуникативной сферы, которая могла бы служить основой для анализа речевого поведения индивидуумов и коммуникативных сообществ. В ходе исследований внутри- и межкультурной коммуникации был предложен ряд таких единиц, наиболее известными из них являются «речевой акт» (Дж. Остин и Дж. Серль) и «речевой жанр» (М. Бахтин).

Несмотря на то, что изначально теория речевых актов была создана исключительно на базе английского, а теория речевых жанров — на базе русского языкового материала, данные базовые единицы были широко использованы последователями выше названных теорий как основа для контрастивного анализа коммуникативного поведения носителей разных языков [см., напр., Rose 1992, Eslamirasekh 1992, Félix-Brasdefer 2009, Шеловских 1995, Дубровская 2003, Фенина 2005, Гашева 2007 и др.]. Хотя в целом сравнительные исследования были осуществлены успешно, стало понятно, что каждая из моделей требует определенной доработки и адаптации для целей контрастивного изучения языков.

Так, понятие «речевого акта» подразумевает одномоментность и индивидуальность речевого действия, в то время как на самом деле авторы теории речевых актов вкладывают в этот термин более широкий смысл, объединяя в нем различные формы реализации одной и той же иллокуции и обозначая с его помощью не процесс производства высказываний, а их функциональную общность. Стремясь преодолеть данное противоречие, авторы более поздних работ вместо термина «речевой акт» (speech act) употребляют выражение «набор речевых актов» (speech act set) или же «речевое действие» (speech action) [см. напр. Olshtain / Cohen 1983; Murphy / Neu 1996, Sbisà / Turner 2013 и др.]. Понятие «речевого жанра» также, по мнению многих отечественных лингвистов, относится «к числу наиболее многозначных и неопределенных терминов-понятий» [Дементьев 2010: 11, см. также Кожина 1999: 60, Комлева 2011: 296 и др.]. На это обстоятельство указывал и сам Бахтин, отмечавший «крайнюю разнородность речевых жанров» [Бахтин 1996: 159].

Основываясь на анализе описанных выше речевых элементов и моделей, предложенных разными авторами при исследовании коммуникативного поведения [подробный анализ см. в Гладров / Которова 2015], представляется целесообразным определить единицу, лежащую в основе стереотипных коммуникативных действий как модель речевого поведения (МРП). Такие модели включают в себя некий набор вербальных (и/или невербальных) действий и распространяются на повседневные ситуации межперсонального общения, ограниченные относительно небольшим временным отрезком.

Таким образом, понятие МРП уже, чем понятие речевого жанра; оно сближается с представлением о «наборе речевых актов», представленном в работах последователей Дж. Остина и Дж. Серля. К типичным МРП относятся такие широко обсуждаемые в прагмалингвистике модели, как ОБЕЩАНИЕ, ПРОСЬБА, УГРОЗА и т.п.

Целью данной статьи является демонстрация применения авторской методики сопоставительного анализа моделей внутри- и межкультурной коммуникации [описание данной методики см. в Гладров/Которова 2015] на примере модели речевого поведения ОБЕЩАНИЕ.

Для всестороннего описания каждой из моделей необходимо, на наш взгляд, вычленив в ее составе и проанализировать следующие компоненты.

1. **Коммуникативная цель МРП или ее иллокуция.** Организующим фактором МРП является иллокуция. То или иное высказывание может быть отнесено к определенной модели исключительно на основе того, какую иллокутивную цель преследует Говорящий при его произнесении. Важной проблемой при этом является необходимость семантической экспликации каждой конкретной целевой установки, то есть необходимо определить, что следует понимать под иллокуцией ОБЕЩАНИЯ, ПРОСЬБЫ, УГРОЗЫ и т.п. Такие дефиниции должны быть в максимальной степени универсальными, культурно независимыми; кроме того, они должны быть сформулированы как можно более единообразно в отношении различных МРП. В качестве научной основы для описания прагматического инварианта МРП была использована теория Естественного семантического метаязыка Анны Вежбицкой [Wierzbicka / Goddard 2014], так как она в наибольшей степени способна обеспечить универсальность дефиниции иллокутивной цели.

2. **Структура модели, включающая лексическую и грамматическую характеристику основных компонентов высказываний, реализующих данную МРП.** Каждая модель речевого поведения реализуется в определенных базовых грамматических структурах. Набор этих структур варьирует от модели к модели². В составе полной перформативной формулы можно выделить, как правило, четыре составляющих: компоненту Действия, компоненту Говорящего, компоненту Адресата³ и компоненту Повода (для совершения речевого акта) [ср. Pisarek 1995: 48]. Последняя компонента является специфичной для каждой конкретной МРП: она может выражать содержание ПРОСЬБЫ или СОВЕТА, причину ИЗВИНЕНИЯ, повод для ПРИГЛАШЕНИЯ и т.п. Каждая из составляющих перформативной формулы может иметь сходства и различия в грамматическом оформлении в каждом из сопоставляемых языков, которые должны быть выявлены и описаны.

3. **Коммуникативно-прагматические факторы, влияющие на реализацию модели.** Ситуативно-прагматические различия касаются двух возможностей: а) в одной и той же коммуникативной ситуации в одной речевой культуре данная МРП регулярно реализуется, а в другой культуре нет; б) в одной и той же коммуникативной ситуации в разных культурах реализуются разные речевые акты. К прагматическим факторам, влияющим на формы реализации МРП, относятся возраст, социальный статус, социальная дистанция между коммуникантами, реже — пол, этнос и др.

² Так, В. Дементьев, рассуждая о факторах, необходимых для характеристики речевых жанров, подчеркивает, что «для лингвистического осмысления и систематизации РЖ особенно важно учитывать лексику, синтаксис (пропозиции)...» (Дементьев 2016: 11).

³ В контексте данной статьи термин «адресат», употребляемый в работе Pisarek 1995, синонимичен термину «слушающий».

4. **Коммуникативно-прагматическое поле, отражающее иерархическую организацию МРП.** Высказывания, входящие в данную МРП, организованы по принципу поля, в составе которого выделяется прототипический центр и градуально сформированная периферия, включающая выражения от граничащих с прототипическими до маргинальных [подробнее см. Которова 2013, Kotorova 2014]. Задачей исследователя является определение места основных субмоделей в составе иерархии.

5. **Перлокутивный эффект МРП.** Данный раздел предполагает описание возможных реакций на высказывания, реализующие определенную МРП. В этом аспекте также можно наблюдать межкультурные различия. Так, Д. Карбо приводит пример, когда, некое высказывание, задуманное носителем американской культуры как комплимент, воспринимается в финском лингвокультурном сообществе как преувеличение (Carbaugh 2005: 8). Интересны также наблюдения Т. Лариной и Е. Щелчковой (2013: 23—34) в отношении МРП ПРИГЛАШЕНИЕ. Авторы показывают, что фатические (ложные) приглашения, распространенные в американской культуре, нередко истолковываются представителями других культур как истинные, что может привести к недоразумениям и коммуникативным конфликтам.

Далее вниманию читателя предлагается анализ модели речевого поведения ОБЕЩАНИЕ в русском и немецком языках, основанный на обозначенных выше принципах. Материалом для анализа служат основные корпуса русского и немецкого языков (см. Список источников). В некоторых немногочисленных случаях примеры заимствованы с аутентичных сайтов различного содержания.

1. ОПРЕДЕЛЕНИЕ МОДЕЛИ РЕЧЕВОГО ПОВЕДЕНИЯ ОБЕЩАНИЕ

1.1. ОБЕЩАНИЕ среди комиссивных речевых актов

Согласно классификациям Дж. Остина и Дж. Серля ОБЕЩАНИЕ относится к классу комиссивных речевых актов. Общая иллокутивная цель комиссивов состоит в том, что говорящий берет на себя обязательство выполнить в будущем определенное действие: «Говорящий хочет, чтобы слушающий поверил в то, что говорящий хочет совершить в будущем некий акт»⁴ [Naras 1983: 209].

К классу комиссивов относится довольно большая группа моделей речевого поведения, таких как ОБЕЩАНИЕ, ПРЕДЛОЖЕНИЕ (ОФЕРТА), УГРОЗА, КЛЯТВА, ГАРАНТИЯ и др. [ср. Austin 1962, Katz 1977, Searle 1979, Серль 1986 и др.].

Е.В. Филимонова утверждает, что ОБЕЩАНИЕ — это единственная модель класса комиссивов, не имеющая пересечений с моделями других классов речевых актов и обнаруживающая все признаки, присутствующие в определении класса комиссивов. Таким образом, ОБЕЩАНИЕ можно рассматривать как прототипическую модель данного класса [Филимонова 2003: 9, Антонова 2004: 11—12].

Так, МРП УГРОЗА и ПРЕДЛОЖЕНИЕ (ОФЕРТА) обнаруживают наряду с комиссивным компонентом также и директивное содержание, поскольку наряду с анонси-

⁴ “S(precher) will, dass H(örer) glaubt, dass S(precher) A(ktion) tun will“ — Здесь и далее перевод цитат выполнен автором.

рованными предстоящим действием говорящего во многих случаях побуждают также и слушающего к определенному действию или же реакции на слова говорящего:

- (1) *Стой, а то застрелю!* — сказал вдруг Зеленин.
- (2) *Wenn du mir jetzt nicht hilfst, kündige ich dir die Freundschaft.*
- (3) *Предлагаю Вам временно поселиться у меня.*
- (4) *Kann ich Ihnen ein Glas Wein anbieten?*

Важнейшие условия для успешного осуществления речевого акта обещания были сформулированы Дж. Серлем следующим образом [Searle 1970: 57—61, Серль 1999: 221—228, ср. также Rolf 1987: 88—91]:

- 1) предмет ОБЕЩАНИЯ должен быть представлен ясно;
- 2) пропозициональное содержание ОБЕЩАНИЯ должно относиться к будущему;
- 3) обещанное должно быть выгодным (бенефактивным) для адресата;
- 4) обещанное действие говорящего должно иметь смысл, то есть не должно быть само собой разумеющимся. Так, например, не имеет смысла обещание спать каждый день, если оба собеседника знают, что говорящий не болен.

Вышеприведенные характеристики оказывают влияние на структуру и формы реализации данной модели речевого поведения, как это будет показано далее.

1.2. Определение иллокутивного содержания модели с помощью семантических примитивов

А. Вежбицка рассматривает в своей ранней работе о речевых актах модель речевого поведения ОБЕЩАНИЕ (PROMISE) в сравнении с моделью ГАРАНТИЯ (GUARANTEE). Она указывает как на сходства, так и на различия между этими моделями. Так же, как и Серль, Вежбицка подчеркивает, что говорящий в обоих случаях берет на себя обязательство выполнения определенного действия в будущем и в соответствии с этим формулирует иллокутивную цель ОБЕЩАНИЯ следующим образом [Wierzbicka 1972: 138]:

- (a) Полагая, что ты желаешь, чтобы я совершил(а) Z,
- (b) не желая не делать того, что ты хочешь от меня,
- (c) желая побудить тебя думать, что я обязан сделать это,
- (d) я говорю: я сделаю Z⁵.

Определение МРП ГАРАНТИЯ отличается от приведенной выше дефиниции в двух аспектах: во-первых, в случае ГАРАНТИИ не обязательно, что говорящий сам выполнит желаемое действие; во-вторых, степень обязательства значительно выше [Ibid.: 137].

В своем более позднем Словаре английских речеактных глаголов Вежбицка формулирует коммуникативную цель глагола *promise* (\approx *обещать*) значительно более подробно и использует при этом принятую в данном словаре синтаксиче-

⁵ (a) Assuming that you want me to do Z,
 (b) not wanting not to do what you want me to do,
 (c) wanting to cause you to be able to think that I am obliged to do it,
 (d) I say: I will do Z.

скую схему, согласно которой каждый пункт дефиниции должен начинаться с сочетания «Я + финитный глагол» [Wierzbicka 1987: 205]. Важное дополнение касается условия искренности обещания, сформулированного Серлем [ср. Searle 1970: 60], а именно, того, что говорящий должен выполнить данное обещание, иначе он потеряет доверие слушающего:

«Я хочу, чтобы мы думали, что если я не сделаю этого, люди не будут верить, когда я буду говорить, что я сделаю что-то»⁶ [Wierzbicka: op. cit.].

Это дополнение учтено также в дефиниции русского речеактного глагола *обещать*, предложенной М.Я. Гловинской [1993: 177].

Существенное изменение в более поздней дефиниции Вежбицкой касается степени очевидности обязательства при обещании, которая в новом определении снижена:

«Я знаю, что ты думаешь, что я могу не делать этого»⁷ [Wierzbicka: op. cit.]

Выше названные поправки были учтены в сформулированном нами определении иллюкутивной цели МРП ОБЕЩАНИЕ. Наряду с этим было принято решение отказаться от применения в составе дефиниций символов (типа А, Z и др.), поскольку они не являются семантическими примитивами, и заменить их на соответствующие элементарные лексемы (этот, некий и пр.). В «Справочнике немецких коммуникативных глаголов» правило искренности сформулировано при характеристике коммуникативного типа ОБЕЩАНИЕ как

«Г(оворящий) хочет: С(лушающий) осознает: Г(оворящий) хочет сделать П(пропозицию)»⁸ [Narras et al. 2007: 226].

Аналогичным образом в предлагаемой нами дефиниции правило искренности сформулировано как направленное на адресата желание говорящего подтвердить его намерение:

- (а) Я знаю, что ты хочешь, чтобы я сделал это
- (б) Я знаю, что ты думаешь, что я могу этого не делать
- (с) Я хочу это сделать, так как ты этого желаешь
- (d) Я говорю: я хочу сделать это
- (е) Я хочу, чтобы ты поверил, что я сделаю это.

2. СТРУКТУРА МОДЕЛИ РЕЧЕВОГО ПОВЕДЕНИЯ ОБЕЩАНИЕ

Можно выделить две основные субмодели, служащие для выражения обещания как в русском, так и в немецком языке:

(а) Эксплицитно перформативная модель с соответствующим перформативным глаголом, либо же синонимичной перформативной конструкцией: *Даю обещание, что этого больше не будет, Ich verspreche den Leuten, es wird sehr schön.*

(б) ИмPLICITно перформативная модель, преимущественно в форме повествовательного предложения без перформатива: *Я буду тебя регулярно посещать в больнице, Ich helfe dir morgen bei der Vorbereitung des Referats.*

⁶ I want us to think that if I don't do it, people will not believe anything that I say I will do.

⁷ I know that you think that I may not to do it.

⁸ S will: H erkennt: S will P tun.

2.1. Эксплицитно перформативная модель

Согласно Серлю, эксплицитно перформативная модель речевых актов класса комиссивов и, таким образом, также и МРП ОБЕЩАНИЕ, обладает глубинной структурой следующего вида:

I verb (you) + I Fut Vol Verb (NP) (Adv) [Searle 1979: 22] =
Я глагол (тебе) + Я Будущее Волитивный глагол (именная фраза) (Наречие) [Серль 1986: 189].

В соответствии с формулой модель может быть поделена на две части, первая носит название протазиса или «перформативного введения», а вторая — аподозиса или «встроенного дополнения» [ср. Hindelang 2004: 23].

Протазис включает перформативный глагол (в первом лице ед. числа изъявительного наклонения, настоящего времени, активного залога) как обязательную компоненту действия, личное местоимение (в первом лице ед. числа) как компоненту говорящего, а также местоимение или существительное как компоненту адресата [ср. Pisarek op. cit.].

Аподозис включает в себе исключительно компоненту намерения, которая раскрывает содержание обещания и, таким образом, суть предполагаемого действия. Глагол в составе встроенного дополнения носит волитивный характер, так как выражает желание или намерение говорящего:

- (5) *Но если ты вернешь мне золото, я обещаю, что я уничтожу список и забуду о нём.*
- (6) *Ich verspreche euch, dass ich es euch mitteilen werde, sobald der Termin feststeht.*

Формой выражения компоненты намерения может быть инфинитив, инфинитивная группа или придаточное предложение:

- (7) *Обещаю тебе поехать к бабушке, только не в этот лагерь!*
- (8) *Ich verspreche, künftig mit mehr Respekt zu handeln.*
- (9) *Даю слово, что я посажу тебя на самолет, летящий прямо в Америку.*
- (10) *Ich verspreche, es wird eine Überraschung geben.*

Обещание может также касаться какого-либо объекта, явления или феномена и в этом случае компонента намерения выражается с помощью именной фразы в винительном падеже (*NP* в составе формулы):

- (11) *За это я обещаю тебе помилование.*
- (12) *Ich verspreche nicht in kürzester Zeit eine blühende Landschaft.*

Аподозис может в некоторых случаях также содержать обстоятельство, указывающее на то, что анонсируемое действие будет совершено в будущем, Серль обозначает это в составе формулы как (*Adv*):

- (13) *Я не обещаю, что завтра все будут жить как в малине.*
- (14) *Ich verspreche Ihnen, dass heute Abend sicher nichts aufgekocht wird.*

В непринужденной коммуникации возможна инверсия протазиса и аподозиса:

- (15) *Мы обязательно увидимся и, может быть, даже будем жить вместе, обещаю тебе.*
- (16) *Nun wird es nicht mehr lange dauern, ich verspreche es dir!*

Стилистически маркированными являются также высказывания со свободной постановкой составных частей эксплицитно перформативной модели, они характерны для разговорной речи:

- (17) *А племянницу твою мы поддержим, обязательно поддержим, это я тебе обещаю.*
(18) *Wir werden heiraten, das verspreche ich dir.*

Обязательными в составе высказывания, выражающего обещание, являются только компоненты действия и говорящего, остальные компоненты (адресата и намерения) употребляются факультативно. В русском языке компонента говорящего часто реализуется только в форме флексии глагола, личное местоимение при этом опускается:

- (19) *Обещаю биться за каждый мяч и демонстрировать все, что умею.*

Эллиптические перформативные формулы без компонента адресата и намерения, имеющие, как правило, реактивный характер, реализуются в немецком языке в форме второго причастия, тогда как в русском языке в данном случае употребляется финитный глагол в первом лице единственного или множественного числа настоящего времени, ср.:

- (20) нем. *Versprochen* — рус. *Обещаю/Обещаем* (без компонента адресата и намерения).

В немецком при этом и компонента говорящего остается невыраженной.

Перформативная формула может быть модифицирована с помощью модальных глаголов. Их употребление смягчает в известной степени степень обязательности говорящего, и поэтому модальные глаголы предпочтительны при реализации некатегоричного обещания:

- (21) *К 15-му сентября я могу обещать Вам вполне законченную повесть.*
(22) *Ich kann versprechen, dass wir die Vorfinanzierung sicherstellen.*

Хотя речевой акт ОБЕЩАНИЯ часто приводится в качестве типичного примера перформативного высказывания [ср. Austin 1962: 32, Searle 1970: 56 ff.], перформативная модель, как показывает анализ языкового материала, не может считаться прототипичным способом реализации данной модели речевого поведения.

2.2. Имплицитно перформативная модель

Имплицитно перформативная модель, не содержащая перформативных элементов, как правило, реализуется в форме повествовательного предложения без модализации:

- (23) *Я обязательно приглашу Вас на обед.*
(24) *Wenn du nicht willst, werde ich nie mehr seinen Namen erwähnen.*

Употребление модальных глаголов в составе имплицитного высказывания с иллокутивной целью ОБЕЩАНИЯ может способствовать тому, что данное высказывание будет восприниматься как ПРЕДЛОЖЕНИЕ:

- (23а) *Я могу/мог бы пригласить Вас на обед.*
(24а) *Wenn du nicht willst, dann könnte ich nie mehr seinen Namen erwähnen.*

Повествовательное предложение, реализующее имплицитную модель МРП ОБЕЩАНИЯ, согласно правилу пропозиционального содержания стоит, как правило, в будущем времени. В случае модализации, однако, модальные глаголы употребляются в настоящем времени изъявительного или сослагательного наклонения (см. примеры 23а и 24а).

3. КОММУНИКАТИВНО-ПРАГМАТИЧЕСКИЕ ФАКТОРЫ

Дискурсивно обусловленные прагматические факторы реализации МРП ОБЕЩАНИЕ зависят от общих культурных различий, правил вежливости, а также от конкретной коммуникативной ситуации.

Согласно известной классификации Р. Льюиса [Lewis 2006: xviii—xix, 27—43, см. также Льюис 2001: 24—25, 63—76] все культуры можно разделить на три типа: моноактивные, полиактивные и реактивные. Немцы, по мнению Льюиса, являются типичными представителями моноактивной культуры, в то время как русские относятся к полиактивному типу.

При характеристике типов культур описывается также и отношение их представителей к различного рода обязательствам:

«Полиактивных людей не очень заботят расписания и пунктуальность. Они делают вид, что соблюдают их, особенно если на этом настаивают моноактивные партнеры, но считают, что реальность важнее, чем расписание, устанавливаемый человеком»⁹ [Льюис 2001: 65].

В отношении к ОБЕЩАНИЮ это означает, что представители немецкой культуры, как правило, дают обещание только в том случае, если они полностью уверены в том, что они могут его выполнить. Эту особенность немецкой нации можно проиллюстрировать словами немецкого поэта Фридриха Рюккерта:

“Gib nicht zu schnell Dein Wort, so brauchst Du's nicht zu brechen! Viel besser ist es, mehr zu halten als versprechen”¹⁰ [Rückert 1868: 97].

Представители русской культуры, напротив, склонны к тому, чтобы сначала пообещать что-либо собеседнику под влиянием ситуации, и лишь потом осознать, что они не могут сдержать обещание. Часто неискренние обещания даются потому, что говорящему трудно признать, что он не в состоянии сделать то, что от него ожидают¹¹. Эта тенденция нашла также отражение в произведениях русской художественной литературы, напр.:

— *Ох, до чего же мне надоели эти звонки с просьбой выступить где-нибудь. Никак не могу научиться отказывать. Виляю, виляю, а потом сдаюсь или переносу на другой месяц. Но в другом-то месяце выполнить обещание надо!*

⁹ “Multi-active people are not very interested in schedules or punctuality. They pretend to observe them, especially if a linear-active partner insists. They consider reality to be more important than man-made appointments” (Lewis 2006: 30).

¹⁰ Не торопись дать слово, тогда тебе не нужно будет его нарушать! Гораздо лучше сдержать себя, чем пообещать.

¹¹ К схожим выводам приходит И. Эгнер (Egner 2002: 4), сравнивая коммуникативное поведение в западноевропейских и некоторых западноафриканских странах, представители которых также относятся к мультиактивному типу. Согласно наблюдениям автора, для африканцев не представляется возможным публично признать в том, что они не в состоянии выполнить то, что от них ожидают. Это означало бы для них полную «потерю лица». Поэтому они предпочитают давать вежливые (то есть неосуществимые) обещания.

— *А вы не отказывайтесь. Говорите сразу: приду, и не приходите. Я всегда так делаю* [Розов 2000: 44].

Следует, однако, отметить, что эти наблюдения характеризуют лишь общую тенденцию в поведении представителей каждой из культур и не должны абсолютизироваться. Безусловно, среди русских есть много людей, твердо держащих свои обещания, а среди немцев встречаются необязательные партнеры.

Такие прагматические факторы, как возраст, пол, социальная дистанция, регион проживания, на реализацию МРП ОБЕЩАНИЕ существенного влияния не оказывают. Обещание может дать ребенок родителям, подчиненный начальнику, студент профессору и наоборот. При этом различий в формах реализации практически не наблюдается:

- (25) *Папа, обещаю тебе поехать к бабушке, но только не в этот лагерь!*
- (26) *И теперь, мой народ, я обещаю не только мудро, но и добро и кротко править тобою!*
- (27) *„Ich verspreche dir, nicht wieder zu schnell zu fahren“, sagte sie einem der freudestrahlenden Nachwuchspolizisten.*
- (28) *US-Schwimmstar Michael Phelps hat sich für ein Foto entschuldigt, das ihn beim Marihuana-Rauchen zeigt: „Ich verspreche meinen Fans und der Öffentlichkeit, dass das nicht wieder vorkommt“.*

Такой фактор, как степень ответственности за обещанное действие, оказывает влияние на выбор перформативного глагола и может привести к тому, что МРП ОБЕЩАНИЕ будет замещена другой моделью речевого поведения.

Если говорящий хочет явно показать то, что он берет на себя определенное обязательство, он использует перформативные глаголы. Наивысшую степень ответственности за высказанное обещание выражают глаголы *клясться* в русском и *schwören / geloben* в немецком языке:

- (29) *Клянусь, завтра же я пускаюсь в дальний путь.*
- (30) *Ich schwöre, dass ich dich nie verlassen werde.*

В примерах (29) и (30) перформативное введение с глаголами *клясться* и *schwören* находится в фокусе высказывания, говорящий хочет подчеркнуть, что он абсолютно убежден в том, что осуществит задуманное, и намеревается таким образом донести свою уверенность до собеседника.

Перформативный глагол *обещать/versprechen* в тех же высказываниях выражал бы меньшую степень ответственности, обязательности и убежденности, поэтому он был заменен на другой комиссивный глагол. Если же говорящий не хочет явно подчеркивать тот факт, что берет на себя определенные обязательства, то он избегает употребления перформативных глаголов:

- (31) *Мы напечатает Вашу статью в следующем номере нашего журнала.*
- (31a) *Мы обещаем, что напечатает Вашу статью в следующем номере нашего журнала.*

Полная эксплицитная модель употребляется в таких случаях лишь в официальной коммуникации и сигнализирует о том, что между собеседниками существует определенная социальная дистанция. Ср. также в немецком:

- (32) *Ich komme morgen um 17 Uhr ins Café.*
- (32a) *Ich verspreche dir, dass ich morgen um 17 Uhr ins Café komme.*

В этих случаях пропозициональное содержание высказывания важнее, чем перформативное введение.

4. ФОРМЫ ВЫРАЖЕНИЯ КОММУНИКАТИВНО-ПРАГМАТИЧЕСКОГО ПОЛЯ

В составе коммуникативно-прагматического поля обещания могут быть выделены следующие группы:

4.1. Сопоставление центральных форм реализации

К ядру как русского, так и немецкого поля, относятся имплицитно перформативные высказывания (так называемые семантические перформативы — см. Галлямова 2010: 27) без перформативных глаголов или конструкций. Нередко иллокутивная сила высказывания усиливается с помощью модальных частиц, наречий и вводных фраз:

- (33) *Я точно смогу к тебе вырваться сегодня вечером.*
- (34) *Мы ни на йоту не будем вмешиваться в ваши дела, не сомневайтесь.*
- (35) *Sie bekommen ganz sicher Anfang Februar Texte zu Gesicht, die jeder Gymnasiast verstehen kann.*
- (36) *Ich schicke umgehend Hilfe, sobald ich im Dorf angelangt bin.*

В случае имплицитных перформативов, как показывают примеры (33)—(36), ассертивные речевые акты выражают иллокуцию обещания. Часто такие высказывания употребляются в составе речевых секвенций как реакция на запрос:

- (37) — *С тортиком то что решила?*
— *Тортик я приготовлю.*
- (38) — *Frau Schmidt, entschuldigen Sie bitte, aber ich warte immer noch auf mein Arbeitszeugnis.*
— *Ich mache das nächste Woche fertig!*

Эксплицитные перформативы также могут быть отнесены к центральным средствам, однако они употребляются только в тех случаях, когда говорящий желает подчеркнуть свою готовность выполнить некое действие в будущем:

- (39) *Поверьте, досадная ошибка произошла совершенно случайно, и мы обещаем впредь внимательнее относиться к цифрам телефонных номеров.*
- (40) *Но чтоб тебе было спокойнее, я обещаю: сегодня или завтра я найду ее, поговорю и разберусь с этим делом.*
- (41) *Wir versprechen den Banken, unsere Schulden zu tilgen.*
- (42) *Ich verspreche dir, alles anzunehmen, was du von mir verlangst!*

Существует лишь небольшое количество интенсификаторов, употребляющихся для усиления перформативной формулы. В русском языке это наречие *точно*, в немецком — *fest*, в разговорной речи метафорически могут также употребляться наречия *железно* / *eisern*:

- (43) *Ich werde Sie, das verspreche ich **fest**, weiterempfehlen.*
- (44) *Но **точно** обещаю: мы сможем вас удивить!*
- (45) *Ich verspreche euch **eisern**, dass ich den Mörder finde.*
- (46) ***Железно** обещаю главу на следующих выходных.*

Редкое употребление лексических интенсификаторов связано с тем, что, как уже упоминалось, усиление иллокутивной силы ОБЕЩАНИЯ может происходить за счет перехода к смежной модели речевого поведения, ср.:

- (47) *Ich verspreche, dass ich nach meinem Rücktritt auch nicht wiederkommen werde.
Ich versichere, dass ich nach meinem Rücktritt auch nicht wiederkommen werde.
Ich schwöre, dass ich nach meinem Rücktritt auch nicht wiederkommen werde.*
- (48) *Обещаю тебе, что больше никогда не буду ссориться с тобой.
Завещаю тебя, что больше никогда не буду ссориться с тобой.
Клянусь тебе, что больше никогда не буду ссориться с тобой.*

Для того, чтобы подчеркнуть искренность обещания, употребляются наречия *искренне, правда / ehrlich, aufrichtig*:

- (49) *Люда, я тебе правда обещаю, что больше ни-ни, ни капли.*
- (50) *Also ich verspreche ehrlich, sollte ich jemals wieder einen Schluck trinken, gehe ich freiwillig in eine Selbsthilfegruppe.*

В обоих языках существуют именные варианты перформативной формулы с синонимическими существительными: *дать обещание / ein Versprechen geben*:

- (51) *Считаю себя виновным в нарушении дисциплины и даю обещание, что этого больше не будет.*
- (52) *Ich gebe mein Versprechen, dass ich mein Bestmögliches dazu beitrage.*

Для выражения обещания употребляется также устойчивое глагольно-именное сочетание *брать (давать) обязательство / eine Verpflichtung übernehmen*, в русском языке нередко с оттенком иронии:

- (53) *Беру обязательство посмотреть в ближайшем будущем фильмы «Великий Гэтсби» и «Волк с Уолл Стрит», а то вдруг Ди Каприо уйдет из мира...*

Имплицитно перформативные высказывания также могут иметь именную характер: *дать слово, честное слово, что... / ein Wort geben, Ehrenwort, dass...*:

- (54) *Даю слово себе и его памяти, что сделаю все, чтобы измениться.*
- (55) *Sie haben mein Ehrenwort, dass ich nur mit Ihnen zusammen sein werde.*

4.2. Сопоставление периферийных форм реализации

4.2.1. Модифицированные и стилистически маркированные синонимы перформативного глагола

Особенностью немецкого языка является то, что в современном немецком языке наряду с нейтральным перформативом *versprechen* существует его синоним *verheißten*, относящийся к возвышенному стилю и употребляющийся преимущественно в религиозном контексте (ср. Wonneberger / Hecht 1986):

- (56) *In einem Traum erschien ihr der heilige Franziskus von Assisi und sprach zu ihr: „Fasse Mut, ich verheiß dir und den Deinen den Sieg“.*

За пределами религиозных текстов глагол *verheißten* употребляется в значении «торжественно взять на себя обязательство» и придает высказыванию патетическую окраску:

- (57) *Ich verheiß dir, o Königin! Ich verheiß dir alles zu tun, was dir gefällt, und alles zu wirken, was deine Ehre verbreitet.*

В разговорной речи глагол *verheißten* может употребляться для выражения иронии:

- (58) *Ich habe euch hier noch nie gesehen, aber ich verheißte euch einen schönen Abend in meinem Etablissement.*

В русском языке отсутствует синоним высокого стиля к перформативному глаголу *обещать*, однако в русском есть синонимы сниженного стиля *обещаться* и *сулить*, употребляющиеся в разговорной речи, последний является устаревшим:

- (59) *Этот человек меня любит, я вижу его чистую душу и обещаюсь быть ему женой.*
 (60) *Можно сулить избирателям достаток и справедливость, обещать, что жизнь наладится, но кто же этого не делает сегодня?*

4.2.2. Косвенные средства выражения ОБЕЩАНИЯ

В функции ОБЕЩАНИЯ могут выступать речевые акты других моделей речевого поведения. В этих случаях первичная иллокуция выражается косвенно.

Косвенное обещание может реализоваться следующим образом:

- а) с помощью речевого акта, содержащего перформативный глагол, не относящийся к классу комиссивов;

В таких высказываниях чаще всего употребляются глаголы говорения:

- (61) *Я хочу тебе сообщить, что ты можешь рассчитывать на мою финансовую поддержку.*
 (62) *Ich sage dir doch, dass ich dir das Geld geben werde.*

В обоих примерах употребляются перформативные глаголы класса ассертивов (*сообщать, sagen*). Во втором примере пропозициональное содержание аподозиса, а также частица *doch* указывают на то, что истинная иллокутивная цель выходит за рамки простого сообщения.

- б) с помощью вопросительного предложения;

Вопросительные предложения редко употребляются для выражения обещания. Прежде всего, в этой функции могут выступать риторические вопросы, например:

- (63) — *Ich würde mich so freuen, wenn du mitfahren würdest!*
 — *Kann ich da etwa nein sagen?*
 (64) — *Посиди здесь. Только, ради бога, ничего не трогай!*
 — *Да что я — враг самому себе?*

5. РЕАКЦИИ НА ОБЕЩАНИЕ

Наиболее частой реакцией на обещание является выражение благодарности, так как согласно условиям успешности речевых актов обещанное должно быть выгодно для говорящего. В случае обещания-реакции, инициированной просьбой или намеком, выражение благодарности является единственно возможной реакцией. При этом употребляются такие выражения как *спасибо, благодарю, никогда не забуду, весьма обязан* и др. / *danke, ich weiß das zu schätzen, das ist sehr nett von dir* и др.:

- (65) — *Ich verspreche, dass ich dieses Feuer in dir immer unterstützen werde.*
 — *Danke. Ich weiß das zu schätzen.*

- (66) — *Прошу Вас, заклинаю, не говорить ему ни слова.*
— *Хорошо, я ничего не скажу.*
— *Благодарю, благодарю Вас!*

В том случае, если обещание инициировано требованием или приказом, реакция на него, как правило, отсутствует совсем. Негативная реакция встречается крайне редко: она может возникать при недоразумениях, либо же в тех случаях, когда адресат передумал.

6. ВЫВОДЫ

Анализ модели речевого поведения ОБЕЩАНИЕ с помощью предложенной методологии выявил следующие особенности ее реализации в русском и немецком языках.

1. Состав ядра коммуникативно-прагматического поля ОБЕЩАНИЯ в немецком и русском языках схож; к центру поля в обоих языках относятся преимущественно имплицитно перформативные высказывания.

2. Периферия поля отличается в области стилистически маркированных синонимов перформативного глагола. Если в немецком языке существует синоним *verheißten*, относящийся к возвышенному стилю и употребляющийся преимущественно в религиозном контексте, то в русском, при отсутствии синонимов высокого стиля, наличествуют просторечно-разговорные синонимы *обещаться* и *сулить*.

3. В обоих языках периферийные формы реализации ОБЕЩАНИЯ охватывают повествовательные высказывания, включающие перформативные глаголы класса ассертивов, а также риторические вопросы.

4. Эллиптические перформативные формулы МРП ОБЕЩАНИЯ реализуются в немецком языке в форме второго причастия, тогда как в русском языке в данном случае употребляется финитный глагол в первом лице единственного или множественного числа настоящего времени.

5. В ходе анализа были выявлены коммуникативно-прагматические различия, обусловленные разными типами культур. Представители русской культуры склонны давать обещания в таких коммуникативных ситуациях, в которых носитель немецкого языка скорее воздержится от осуществления этого речевого акта. Это связано с тем, что немцы, представляющие моноактивный культурный тип, как правило, перед тем как дать обещание, должны полностью увериться в том, что оно выполнимо. Для русских же, как представителей полиактивной культуры, более важно, дав обещание, «сохранить лицо», не показать, что они не в состоянии сделать то, что от них ожидают.

© Е.Г. Которова, 2017

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ / REFERENCES

- Антонова А.В. *Интенция обещания и средства ее выражения в английском языке*: Автореф. дисс. канд. филол. наук. Самара: Самарский гос. пед. университет, 2004. [Antonova, A.V. (2004) *Intentsiya obeshchaniya i sredstva ee vyrazheniya v angliiskom yazyke*. (Intention of Communication and its means of expression in English): Avtoref. diss. kand. filol. nauk. Samara: Samarskii gos. ped. Universitet. (In Russ).]

- Бахтин М.М. Проблема речевых жанров // Бахтин М.М. *Собрание сочинений*. М.: Русские словари, 1996. Том 5: Работы 1940—1960 гг. С. 159—206. [Bakhtin, M. M. (1996) Problema rechevykh zhanrov. (Problems of Speech Acts) / Bakhtin, M.M. *Sobranie sochinenii*. Moscow: Russkie slovari. Raboty 1940—1960. Vol 5, 159—206. (In Russ).]
- Галлямова Н.Ш. Речевой акт «обещание, клятва» в русской языковой картине мира: лингвокультурологический, функционально-прагматический аспекты // *Язык и культура*. 2010. № 3. С. 16—31. [Gallyamova, N. Sh. (2010) Rechevoi akt “obeshchanie”, “klyatva” v russkoi yazykovoi kartine mira: lingvokul'turologicheskii, funktsional'no-pragmaticheskii aspekty. (Speech Act “Promise”, “Oath” in Russian Linguistic Worldview: Intercultural and Pragmatic Aspects). *Yazyk i kul'tura*, 2, 16—31. (In Russ).]
- Гашева О.В. *Речевой акт обещания в современном французском и английском языках: семантико-прагматический и грамматический аспекты*: Автореф. дис. канд. филол. наук. Екатеринбург: Уральский гос. пед. университет, 2007. [Gasheva, O. V. (2007) Rechevoi akt obeshchaniya v sovremennom frantsuzskom i angliiskom yazykakh: semantiko-pragmaticheskii i grammaticheskii aspekty. (*Speech Act of Communication in French and English: Semantic and Pragmatic Aspects*): Avtoref. dis. kand. filol. nauk. Ekaterinburg: Ural'skii gos. ped. universitet. (In Russ).]
- Гладров В., Которова Е.Г. Контрастивное изучение моделей речевого поведения // *Жанры речи*. 2015. № 2. С. 15—19. [Gladrov, V., Kotorova E.G. (2015) Kontrastivnoe izuchenie modelei rechevogo povedeniya. (Contrastive Study of Speech Behaviour Models). *Speech Genres*, 2, 15—19. (In Russ).]
- Гловинская М. Я. Семантика глаголов речи с точки зрения теории речевых актов // Под ред. Е.А. Земской, Д.Н. Шмелёва. *Русский язык в его функционировании. Коммуникативно-прагматический аспект*. М.: Наука, 1993. С. 158—218. [Glovinskaya, M. Ya. (1993) Semantika glagolov rechi s tochki zreniya teorii rechevykh aktov. In E.A. Zemskoi, D.N. Shmeleva (eds.) *Russkii yazyk v ego funktsionirovanii. Kommunikativno-pragmaticheskii aspekt*. (Russian Language in its functioning. Communicative-pragmatic Aspect). Moscow: Nauka, 158—218. (In Russ).]
- Дементьев В.В. *Теория речевых жанров*. М.: Знак, 2010. [Dement'ev, V. V. (2010) *Teoriya rechevykh zhanrov*. (Theory of Speech Acts). Moscow: Znak. (In Russ).]
- Дементьев В.В. Некоторые методологические принципы изучения речезанровых заимствований // *Вестник РУДН. Серия: Лингвистика*. Том 20, № 1. С. 7—24. [Dement'ev, V.V. (2016) Nekotorye metodologicheskie printsipy izucheniya Rechezhanrovyykh zaimstvovaniy. (Some methodological principles of Speech Acts Borrowings. *Russian Journal of Linguistics*, 20 (1), 7—24. (In Russ).]
- Дубровская Т.В. *Речевые жанры «осуждение» и «обвинение» в русской и английской лингвокультурах*. Пенза: Изд-во ПГУ, 2014. [Dubrovskaya, T. V. (2014) *Rechevye zhanry “osuzhdenie” i “obvinenie” v russkoi i angliiskoi lingvokul'turakh*. (Speech Acts “Condemnation” and “Accusation” in Russian and English Linguo Cultures). Penza: Izd-vo PGU. (In Russ).]
- Кожина М.Н. Речевой жанр и речевой акт: некоторые аспекты проблемы. *Жанры речи* / под ред. В.Е. Гольдина и др. Вып. 2. Саратов: Изд-во Государственного учебно-научного центра «Колледж», 1999. С. 52—61. [Kozhina, M. N. (1999) Rechevoi zhanr i rechevoi akt: nekotorye aspekty problemy. *Zhanry rechi* (Speech Acts). In V.E. Gol'dina and al. (eds.). Vyp. 2. Saratov: Izd-vo Gosudarstvennogo uchebno-nauchnogo tsentra “Kolledzh”. 52—61 (In Russ).]
- Комлева Е.В. Соотношение понятий «речевой жанр» и «речевой акт» (на материале немецких апеллятивных текстов) // *Теория и практика общественного развития*. 2011. № 5. С. 296—300. [Komleva, E.V. (2011) Sootnoshenie ponyatii «rechevoi zhanr» i «rechevoi akt» (na materiale nemetskikh apellyativnykh tekstov). *Teoriya i praktika obshchestvennogo razvitiya*, 5, 296—300. (In Russ).]

- Которова Е.Г. Коммуникативно-прагматическое поле как метод комплексного описания способов реализации речевых актов // *Томский журнал лингвистических и антропологических исследований*. 2013. Вып. 1 (1). С. 58—67. [Kotorova, E. G. (2013) Kommunikativno-pragmatischeskoe pole kak metod kompleksnogo opisaniya sposobov realizatsii rechevykh aktov. (Communicative-pragmatic Field as a Complex Method of Description of Speech Acts Realization). *Tomsk Journal of Linguistics and Anthropology*, 1 (1). 58—67. (In Russ).]
- Ларина Т.В., Щелчкова Е.Б. Речевой акт приглашение и проблемы понимания: межкультурный аспект // *Вестник Новосибирского государственного университета. Серия: Лингвистика и межкультурная коммуникация*. Новосибирск. 2013. Том 11. С. 73—79. [Larina, T.V., Shchelchikova, E.B. (2013). Rechevoi akt priglashenie i problemy ponimaniya: mezhkul'turnyi aspekt. (Speech Act “Invitation” and Problem of Understanding: intercultural aspect). *Vestnik Novosibirskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Lingvistika i mezhkul'turnaya kommunikatsiya*. Novosibirsk, Vol. 11. 73—79. (In Russ).]
- Льюис Р.Д. *Деловые культуры в международном бизнесе. От столкновения к взаимопониманию*. 2-е изд. М.: Дело, 2001. [L'yuis, R. D. (2001) *Delovye kul'tury v mezhdunarodnom biznese. Ot stolknoeniya k vzaimoponimaniyu*. (International Business Cultures. From Confrontation to Mutual Understanding). Moscow: Delo. (In Russ).]
- Розов В.С. Режиссер, которого я люблю. // *Театр Анатолия Эфроса: Воспоминания, статьи*. Сост. М.Г. Зайонц. М.: Артист. Режиссер. Театр, 2000. [Rozov, V.S. (2000). *Rezhisser, kotorigo ya lyublyu* // *Teatr Anatoliya Efrosa: Vospominaniya, stat'i*. (Theatre of Anatolii Efros. Memories and Articles). Sost. M. G. Zaionts. Moscow: Artist. Rezhisser. Teatr. (In Russ).]
- Серль Дж. Р. Классификация иллокутивных актов // *Новое в зарубежной лингвистике*. Вып. XVII. М.: Прогресс, 1986. С. 170—222. [Serl', Dzh. R. (1986) *Klassifikatsiya illokutivnykh aktov* (Classification in Illocutionary Acts). *Novoe v zarubezhnoi lingvistike*, Вып. XVII. Moscow: Progress. 170—222. (In Russ).]
- Серль Дж. Р. Что такое речевой акт? // *Зарубежная лингвистика*. Вып. 2. М.: Прогресс, 1999. С. 210—228. [Serl', Dzh. R. *Chto takoe rechevoi akt?* (What is Speech Act?). *Zarubezhnaya lingvistika*, Вып. 2. Moscow: Progress. 210—228. (In Russ).]
- Фенина В.В. *Речевые жанры small talk и светская беседа в англо-американской и русской культурах*: Автореф. дис. ... канд. филол. наук. Саратов: Саратовская гос. академия права, 2005. [Fenina, V. V. (2005) *Rechevye zhanry small talk i svetskaya beseda v anglo-amerikanskoi i russkoi kul'turakh*. (Speech Act “small talk” in Anglo-American and Russian Cultures): Avtoref. dis. kand. filol. nauk. Saratov: Saratovskaya gos. akademiya prava. (In Russ).]
- Филимонова Е.В. *Прототипическая картина класса комиссивов* (на материале английского и русского языков): Дисс. канд. филол. наук. Уфа: Башкирский гос. университет, 2003. [Filimonova, E.V. (2003) *Prototipicheskaya kartina klassa komissivov* (na materiale angliiskogo i russkogo yazykov). (Prototype view of commissive in English and Russian): Diss. kand. filol. nauk. Ufa: Bashkirskii gos. Universitet. (In Russ).]
- Шеловских Т.И. *Речевой акт совета: функционально-прагматический анализ* (на материале французского и русского языков): Автореф. дис. ... канд. филол. наук. Воронеж: Воронежский гос. университет, 1995. [Shelovskikh, T. I. (1995) *Rechevoi akt soveta: funktsional'no-pragmatischeskii analiz* (na materiale frantsuzskogo i russkogo yazykov). (Speech Act “Advice” in English and French: functional-pragmatic analysis): Avtoref. dis. kand. filol. nauk. Voronezh: Voronezhskii gos. universitet. (In Russ).]
- Austin, J. L. (1962) *How to do things with words*. Oxford: Clarendon Press.
- Carbaugh, D. (2005) *Cultures in conversation*. Mahwah, New Jersey: Lawrence Erlbaum Associates.
- Egner, I. (2002) The speech act of promising in an intercultural perspective. *SIL electronic working papers*. Available at: Online: <http://www-01.sil.org/silewp/2002/001/SILEWP2002-001.pdf>.

- Eslamirasekh, Z. (1993) A cross-cultural comparison of the requestive speech act realization patterns in Persian and American English. *Pragmatic and language learning*, Vol. 4. pp. 85—103.
- Félix-Brasdefer, J. C. (2009) Pragmatic variation across Spanish (es): Requesting in Mexican, Costa Rican and Dominican Spanish. *Intercultural Pragmatics*, 6 (4). 473—515.
- Harras, G. (1983) *Handlungssprache und Sprechhandlung*. Berlin: Walter de Gruyter.
- Harras, G., Proost, K., Winkler, E. (2007) *Handbuch deutscher Kommunikationsverben*. Berlin et al.: Walter de Gruyter.
- Hindelang, G. (2004) *Einführung in die Sprechakttheorie*. Tübingen: Niemeyer.
- Katz, J. J. (1997) *Propositional structure and illocutionary force*. New York: Thomas Y. Crowell.
- Kotorova, E. G. (2014) Describing cross-cultural speech behavior: a communicative-pragmatic field approach. *Procedia. Social and behavioural sciences*, 4 (154). pp. 184—192.
- Lewis, R. D. (2006) *When cultures collide: Leading across cultures*. 3rd ed. Boston: Nicholas Brealey Publishing.
- Murphy, B., Neu, J. (1996) My grade's too low: The speech act set of complaining. *Speech acts across cultures: Challenges to communication in second language*. In S. M. Gass, J. Neu (eds.). Berlin: Mouton de Gruyter. 191—216.
- Olshain, E., Cohen, A. D. (1983) Apology: A speech act set. *Sociolinguistics and language acquisition*. In N. Wolfson, E. Judd (eds.). Rowley, MA: Newbury House. 18—35.
- Pisarek, L. *Речевые действия и их реализация в русском языке в сопоставлении с польским (экспрессивы)*. Wrocław: Wydawnictwo Uniwersytetu Wrocławskiego, 1995.
- Rolf, E. (1987) Verballhornungen der Handlungsanalyse. Bemerkungen zur Diskussion um den Handlungsbegriff in der ZGL 12 und 13. *Zeitschrift für germanistische Linguistik*, 15 (1). 83—92.
- Rose, K. R. (1992) Method and scope in cross-cultural speech act research: A contrastive study of requests in Japanese and English. PhD Dissertation. University of Illinois at Urbana-Champaign. Available at: <http://www.ideals.illinois.edu/handle/2142/21525>.
- Rückert, F. (1986) *Die Weisheit des Brahmanen*. 6-te Auflage. Leipzig: Verlag von S. Hirzel.
- Searle, J. R. (1979) *Expression and meaning*. Cambridge: Cambridge University Press.
- Searle, J. R. (1979) *Speech acts. An essay in the philosophy of language*. Cambridge: Cambridge University Press.
- Sbisà, M., Turner, K. Introduction. *Pragmatics of speech actions*. In Sbisà M., Turner K. (eds.). Berlin et al.: Walter de Gruyter, 2013. 1—21.
- Wierzbicka, A. (1972) *Semantic primitives*. Frankfurt am Main: Athenäum Verlag.
- Wierzbicka, A. (1987) *English speech act verbs: A semantic dictionary*. Sydney et al.: Academic Press.
- Wierzbicka, A., Goddard, C. (2014) *Words and meanings: Lexical semantics across domains, languages and cultures*. Oxford: Oxford University Press.
- Wonneberger, R., Hecht, H. P. (1986) *Verheißung und Versprechen. Eine theologische und sprachanalytische Klärung*. Göttingen: Vandenhoeck&Ruprecht, 1986.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

Национальный корпус русского языка — <http://www.ruscorpora.ru>
IDS-Korpora — <https://cosmas2.ids-mannheim.de/cosmas2-web/>
LIMAS-Korpus — <http://www.korpora.org/Limas/>

История статьи:

Дата поступления в редакцию: 08 октября 2016

Дата принятия к печати: 20 ноября 2016

Для цитирования:

Которова Е.Г. «Обещание» как модель речевого поведения: методика контрастивного анализа (на материале русского и немецкого языков) // *Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Лингвистика*. 2017. Т. 21. № 2. С. 405—423.

Сведения об авторе:

Елизавета Георгиевна Которова, доктор филологических наук, профессор, Зеленогурский университет (Польша), Институт германской филологии, заведующая кафедрой лексикологии и прагмалингвистики / Национальный исследовательский Томский политехнический университет, профессор кафедры иностранных языков Энергетического института. *Сфера научных интересов*: прагмалингвистика, лексическая семантика, контрастивная лингвистика, проблема межъязыковой эквивалентности, языки аборигенов Сибири (кетский язык). *Контактная информация*: e-mail: e.kotorova@gmail.com

DOI: 10.22363/2312-9182-2017-21-2-405-423

**«PROMISE» AS SPEECH BEHAVIOR PATTERN:
METHOD OF CONTRASTIVE ANALYSIS
(Based on Russian and German)**

Elizaveta G. Kotorova

Zielona Góra University
al. Wojska Polskiego 71A, 65-762, 65783 Zielona Góra, Poland
Tomsk Polytechnic University
634050, Томск, Россия, проспект Ленина, дом 30

Abstract. The present paper aims to provide a new methodology for contrastive analysis of basic units of intra- and intercultural communication and exemplify it using the analysis of the speech behavior pattern of PROMISE. In contrast to the other existing terms used for a basic unit of communication behavior, such as *speech act* (J. Austin and J. Searle), *speech genre* (M. Bakhtin), the author suggests employing a new one, namely, *speech behaviour pattern* (SBP). The illocutionary content and general organization of SBP can be considered universal, while its realization in a language is culturally conditioned and therefore may vary significantly in different language communities. When analyzing SBP, one needs to single out and describe the following components: 1) the communicative aim of SBP or its illocution in terms of Natural Semantic Language, 2) the structure of SBP including lexical and grammatical characteristics of the major components of utterances that realize the given pattern, 3) situational-pragmatic factors that influence the realization of SBP, 4) the communicative-pragmatic field reflecting the hierarchical organization of SBP, consisting of the prototypical core and gradually formed periphery, and 5) the perlocutionary effect of SBP, i.e. description of possible reactions to utterances realizing the given pattern. Using the proposed methodology, the author provides a contrastive analysis of the SBP of PROMISE in German and Russian. The study is based on the existing corpora of the two languages.

Keywords: *speech behavior, promise, intercultural communication, contrastive linguistics, Russian, German*

Article history:

Received: 08 October 2016

Revised: 15 November 2016

Accepted: 20 November 2016

For citation:

Kotorova, E. (2017). “Promise” as Speech Behavior Pattern: Method of Contrastive Analysis (Based on Russian and German Languages). *Russian Journal of Linguistics*, 21 (2), 405—423.

Bio Note:

Elizaveta G. Kotorova, Dr., Professor at University of Zielona Góra (Poland), Institute for German Studies, Head of the Department for Lexicology and Pragmalinguistics / Professor of Department of Foreign Languages at National Research Tomsk Polytechnic University. *Research interests*: Pragmalinguistics, Lexical Semantics, Contrastive Linguistics, Interlingual Equivalency, Ket Language. *Contact information*: e-mail: e.kotorova@gmail.com